

Лин Шу редко достаивал женщин прямым взглядом, а потому и сейчас не заметил, сколько обиды и глухой злобы таилось во взоре того, кто наливал ему вино. Он лишь заворожённо разглядывал наполненный до краёв кубок. Аромат напитка манил сладостью и зрелостью, но цвет казался пугающе колдовским, неестественным — Лин Шу никак не мог решиться, стоит ли вообще пригубливать такое.

Цзин Хуайюй тоже колебался. Заметив их нерешительность, принц-консорт Цзинь Яжэнь понимающе улыбнулся и приподнял свой кубок:

— Чтобы рассеять ваши сомнения, я выпью первым.

С этими словами он запрокинул голову и осушил чашу до дна. Цзин Хуайюй рассудил, что раз уж хозяин открыто предупредил об особом действии этого зелья, то строить козни ему незачем. Помощник министра поднял свой кубок и тоже выпил его единым вздохом.

Лин Шу искоса глянул на спутника. Сам он хмелел от первой же чарки, а этот странный напиток вызывал у него лишь опаску, так что пить совсем не хотелось. Пока он раздумывал, Цзинь Яжэнь, лукаво щурясь, наблюдал за ним. В его глазах вновь блеснула насмешливая, дразнящая искра.

— Позвольте мне рассказать вам одну забавную историю, господин Лин, — вкрадчиво заговорил принц-консорт. — Жили-были отец и сын, оба горькие пьяницы. Как-то раз купили они в лавке кувшин отменного вина. Сын понёс его домой, да на дороге откуда ни возьмись вылетела повозка. Парень с перепугу выронил кувшин, тот и разбейся вдребезги. Сын в панике кричит: «Отец, отец, что же делать?» А старик глянул на черепок, в котором ещё плескалось немного вина, вытаращил глаза да как заорёт: «Что делать, спрашиваешь?! Лакай скорее прямо с земли! Или ты ещё и закуску ждать собрался?!»

Лин Шу недоуменно моргнул, а принц-консорт, довольно рассмеявшись, добавил:

— Уж не потому ли и вы, господин Лин, медлите с вином? Тоже ждёте подобающую закуску?

Стоявший рядом Цзин Хуайюй тихонько прыснул. До Лин Шу наконец дошёл смысл шутки. Никто прежде не осмеливался подшучивать над ним столь бесцеремонно, но, как ни странно, это забавило его. Он поднял взгляд и мягко, едва заметно улыбнулся Цзинь Яжэню.

На сей раз осёкся уже сам принц-консорт. Изящный кубок из белого нефрита едва не выскользнул из его пальцев прямо на низкий столик. Впрочем, он мгновенно взял себя в руки и, негромко кашлянув, поспешил исправиться:

— Прошу вас, господин Лин.

Лин Шу поднёс кубок к губам и осушил его. Напиток оказался удивительно мягким и сладким

— истинное блаженство по сравнению с тем резким кумысом, что им подавали прежде. Вдруг совсем рядом раздался резкий стук: служанка, разливавшая вино, с неожиданной силой опустила кувшин на стол. Лин Шу удивлённо покосился на неё, но та поспешно опустила голову, нацепив маску кротости и покорности, и принялась послушно наполнять его опустевший кубок.

Решив, что девица просто неловко оступилась, Лин Шу не стал придавать этому значения. Принц-консорт тем временем вновь поднял кубок:

— Хорошего должно быть поровну. За встречу, господа!

Вино оказалось приятным и вовсе не казалось столь опасным, каким виделось поначалу. Лин Шу окончательно успокоился и, заметив, что помощник министра Цзин уже опустошил вторую чашу, последовал его примеру.

Цзинь Яжэнь расплылся в довольной улыбке:

— Когда соберётесь обратно в Лоян, я обязательно пришлю пару кувшинов этого вина для вашего Императора. Считайте это скромным подношением от меня лично. Ну же, господа, выпьем ещё! Зелье это хоть и диковинное, но разум не туманит, так что сегодня мы можем пить без оглядки — пока не иссякнет веселье! А если его целебная сила окажется слишком горячей, то чего бояться, когда рядом столько прелестных дев? Я уже переговорил с Третьим князем-дядей: сегодня эти красавицы останутся у нас. Поделим их поровну, по пять на каждого дорогого гостя. Потешьте плоть, насладитесь девичьей нежностью.

Не успели затихнуть его слова, как служанка возле Лин Шу с глухим стуком опять опустила кувшин на дерево. Цзинь Яжэнь недоумённо уставился на девицу. Ростом она заметно превосходила прочих служанок, да и лицо её, смуглое до черноты, казалось каким-то несуразным. В душе принца-консорта зародилось смутное подозрение, но поскольку Ян Е упорно прятал лицо и не поднимал головы, разгадать обман не удавалось.

Лин Шу тоже покосился на служанку с подозрением. Не дожидаясь новых выходов, он сам забрал у неё кувшин и ледяным тоном процедил:

— Сгинь.

Ян Е уже вовсю клял себя за то, что дважды сорвался из-за глупой ревности. Боясь, что его вот-вот разоблачат, он с готовностью ухватился за этот окрик, поспешно отступил назад и скрылся среди толпы служанок.

Цзинь Яжэнь продолжал без умолку предлагать тосты. В зале кружились танцовщицы, хмель приятно согревал кровь, и веселье шло своим чередом, как вдруг у дверей появился перепуганный стражник. Он торопливо проскользнул к хозяину и испуганно прошептал ему на ухо:

— Господин принц-консорт, беда! Старшая принцесса идёт!

Сам принц-консорт и бровью не повёл, а вот Цзинь Никэ затрясся от страха и принялся отчаянно шипеть на девиц, увивавшихся вокруг хозяина:

— Живее, живее! Отвалите от принца-консорта и перебирайтесь к гостям! Не смейте тереться возле него!

Испуганные служанки послушно метнулись в другой конец зала. К холодному и суровому Лин Шу приблизиться никто не отважился, так что вся орава притиснулась к помощнику министра Цзиню.

Не успели они навести порядок, как в зал тяжёлой, размашистой походкой вошла грозная принцесса Кань Юйцзе. Её колючий взгляд мгновенно окинул пиршество. Лин Шу и Цзинь Хуайюй, уже имевшие удовольствие встречаться с этой грозной особой, поспешно поднялись, приветствуя её поклоном. Цзинь Яжэнь тоже поднялся с места.

Кань Юйцзе небрежно махнула рукой:

— Оставьте церемонии, господа. Садитесь.

Они послушно опустились на свои подушки.

Принц-консорт безмятежно взирал на супругу, гадая, какую сцену она устроит на сей раз. Кань Юйцзе ядовито усмехнулась:

— И где ты только выкопал этих потаскух? Небось, у Третьего князя-дяди выпросил? Старый хрыч совсем из ума выжил со своими бабами, так и ты туда же? Да ещё и брата моего притащил в этот притон! Если ты испортишь мальчишку, я с тебя шкуру спущу! Юйчжи, а ну марш сюда!

Маленький принц Кань Юйчжи испуганно подскочил на месте и со всех ног бросился к сестре, которая бесцеремонно притянула его к себе за плечо.

— Цзинь Яжэнь! — продолжала неистовствовать принцесса. — Прикрываешься важными гостями, а сам за моей спиной развратничаешь с этими девками?!

Лицо принца-консорта оставалось невозмутимым. Он заговорил тихим, успокаивающим тоном:

— Ну что ты, дорогая, о каком разврате речь? К нам прибыли почтенные посланники из далёких земель, принимать их без музыки и плясок было бы верхом неучтивости. Потому я и одолжил этих девиц лишь ради танцев. Цзинь Никэ весь вечер просидел здесь, он подтвердит:

я и шагу лишнего не сделал.

Цзинь Никэ закивал как заведённый:

— Истинная правда, принцесса! Я, Никэ, ручаюсь головой: наш господин принц-консорт даже кончиками пальцев ни к одной из них не прикоснулся!

— Руками-то, может, и не трогал, зато в мыслях уже раз по сто каждую обласкал! — отрезала Кань Юйцзе. — Никэ, немедленно уведи этих тварей и верни обратно Третьему князю-дяде. Живо! Иначе я сама возьмусь за плеть и исполосую им спины. Терпеть не могу потаскух, что мужикам головы морочат! — С этими словами она обернулась к мужу: — А ты — на колени!

— Как прикажет моя принцесса, — смиренно отозвался Цзинь Яжэнь и послушно опустился на колени прямо там, где стоял. Роскошные кудри принца-консорта сиротливо рассыпались по полу.

Цзин Хуайюй и Лин Шу, наблюдая за этим зрелищем, едва удерживали бесстрастные выражения лиц. Слухи не врани: здешний зять императора довёл искусство стоять на коленях до абсолютного совершенства, обретя в этом истинное величие духа. И всё же, раз уж хозяин дома стоял перед ними на коленях, гостям оставаться в креслах было крайне неловко, так что обоим послам пришлось подняться на ноги.

Цзинь Никэ, стараясь не отсвечивать, бочком обошёл рассвирепевшую хозяйку и торопливо погнал перепуганных «лисиц» прочь из зала. На суровом лице Кань Юйцзе наконец промелькнуло некое подобие довольной улыбки.

— Два часа, — бросила она мужу, отмерив время наказания, и уже собралась уходить, таща за собой испуганного младшего брата.

— Принцесса, пощади, выслушай меня, — раздался за её спиной кроткий голос стоящего на коленях супруга. — Наши уважаемые гости пригубили вина «Изысканные весенние пейзажи». Те девицы предназначались исключительно для них, клянусь, я бы и близко к ним не подошёл! Даже если ты гневаешься на недостойного мужа, негоже лишать услады дорогих гостей.

Почуввав недоброе, Цзин Хуайюй замахал руками:

— Что вы, что вы, нам ничего не нужно! Прошу вас, принцесса, не беспокойтесь о нас. И вы, господин принц-консорт, тоже.

Кань Юйцзе в ответ лишь добродушно рассмеялась:

— Оставьте эту скромность, почтенные господа! Мы, в Сицзя, народ прямой и гостеприимный, и дорогих гостей без ласки не отпустим. Коли тех девок прогнали, так у нас ещё два десятка

найдутся! Будет вам по десять служанок на каждого. Эй, вы! Живо проводите господ в покои и ублажите как следует!

С этими словами принцесса одарила послов кокетливым взглядом, в котором сквозило некое диковатое кокетство. Лин Шу сохранил каменное выражение лица, но Цзин Хуайюя пробрала ледяная дрожь. В душе он преисполнился безграничного уважения к Цзинь Яжэню: уживаться со столь грозной бабой мог лишь величайший из героев, обладающий поистине железным терпением. С этим человеком явно стоило держать ухо востро.

Пока в мыслях Цзин Хуайюя бушевал ураган, на лице его не дрогнул ни один мускул. С безупречным почтением он проводил взглядом старшую принцессу, которая, крепко держа за руку маленького принца, наконец покинула зал.

Служанки, набранные из приличных семей, были до смерти напуганы. Хотя им предстояло ублажать посланников собственной родины, а не диких степняков, они дрожали от страха и не смели сделать ни шагу навстречу. Особый ужас испытывал затесавшийся среди них Бай Тинби. Осознав, что его отправляют на ложе к мужчинам, он едва не лишился чувств. Мысль о том, что его господином на эту ночь может оказаться зловещий Лин Шу — этот жестокий палач из Верховного суда, способный содрать кожу и сожрать живьём, — повергала юношу в неописуемый трепет. Он мелко дрожал всем телом, борясь с подступающими слезами, и умоляюще смотрел на притаившегося рядом Ян Е.

Заметив его панику, Ян Е выразительно зыркнул на него, призывая успокоиться и не выдавать себя. В душе он раздражённо ругался:

«Да что ж ты трусишь-то так, будто тебя на плаху ведут? Кожу с тебя никто сдирать не собирается! Я бы вот отдал всё на свете, лишь бы оказаться на твоём месте. Наконец-то выпал такой шанс, разве можно его упускать?»

Цзин Хуайюй, искущённый в плотских утехах, почувствовал, как хмель разливается по телу горячей волной. В голове приятно шумело, а движения сделались ленивыми и плавными. Косясь на безмятежно стоявшего на коленях принца-консорта, он испытывал неловкость. Однако Цзинь Яжэнь поспешил развеять его смущение. Понимающе улыбнувшись, он произнёс:

— Не обращайтесь на меня внимания, господа. Нам с супругой не чужды подобные невинные забавы, простолюдинам этого не понять. Эй, стража! Проводите гостей в покои.

Тут же явились несколько стражников, готовых проводить гостей. Лин Шу, чей организм хмель брал безжалостно и быстро, едва держался на ногах. Пока он стоял неподвижно, всё было сносно, но стоило сделать шаг, как земля уплыла из-под ног, и он покачнулся. Внутренне содрогнувшись от собственной слабости, он сделал глубокий вдох, силой воли возвращая контроль над телом, и упрямо зашагал вслед за Цзин Хуайюем. Посольство империи Да Янь прибыло в Сицзя с внушительным сопровождением, но большая часть воинов и гвардейцев Ичжэнь осталась на территории Государственного подворья. У дверей зала гостей ждали лишь

несколько личных гвардейцев Ичжэнь, которые тотчас пристроились сзади.

Гостей привели в просторные покои, разделённые сквозным коридором на левое и правое крыло. Цзин Хуайюй, томимый нетерпением, поспешил к своим дверям. Лин Шу бросил на него равнодушный взгляд, затем окинул глазами толпившихся позади рабынь и сухо бросил:

— Все идите к господину Цзиню. Мне никто не нужен.

С этими словами он скрылся в своей комнате и плотно притворил за собой дверь.

Когда Лин Шу переступал порог, щёки его уже горели лихорадочным румянцем. Нога зацепилась за невысокий порожек, и он едва не упал. Наблюдавший за этим Ян Е едва сдержал порыв подскочить и подхватить его, но вокруг бдительно несли караул гвардейцы Ичжэнь. Выдавать себя было нельзя. Изнывая от тревоги, Ян Е с мрачным видом поплёлся следом за остальными девицами в покои Цзин Хуайюя.

Покои поражали роскошью: узорчатые деревянные ширмы делили пространство на внутреннюю опочивальню и внешнюю гостиную, а полы устилали мягкие шерстяные ковры. Ян Е и Бай Тинби нарочно плелись в самом хвосте и, войдя, сиротливо прижались к косяку у входа. Все эти рабыни были отобраны Цзинь Никэ на грубый вкус принцессы, так что красотой не отличались. Цзин Хуайюй обернулся и окинул толпившихся девиц оценивающим взглядом. Несмотря на бушующий в жилах жар вожделения, делить ложе с этими невзрачными барышнями ему не хотелось. Однако дурманный яд с каждой секундой становился всё невыносимее. Поколебавшись, помощник министра указал пальцем на девицу, которая выглядела опрятнее прочих:

— Ты. Начнём с тебя.

Девушка безропотно, хоть и со страхом, покорно засеменила за ним вглубь покоев. В конце концов, делить ложе с утончённым имперским вельможей было куда лучше, чем ублажать неотёсанных сицзяских дикарей.

Остальные девицы вздохнули с облегчением. Они торопливо отступили к выходу и уселись прямо на ковёр, надеясь, что чаша сия их минует.

Вскоре из-за ширмы донеслись недвусмысленные вздохи и шорохи. Слыша это, Ян Е злобно скрипнул зубами. Даже этот чистоплюй Цзин Хуайюй мигом растерял всю свою благообразность — видать, приворотное зелье сицзясцев действовало безотказно. Эта мысль разожгла в его груди яростный пожар. Схватив притихшего Бай Тинби за рукав, он увёл его в самый тёмный угол и прошептал:

— Сяо Бай, мне нужно выбраться отсюда.

Тот всё ещё мелко дрожал.

— В-выбраться?.. Куда? — заикаясь, спросил он. Несмотря на свою робость, Сяо Бай вовсе не был глупцом. Он вдруг уставился на Ян Е круглыми от ужаса глазами и с упрёком прошептал: — Вы ведь к господину Лину собрались, верно? На ложе к нему хотите?! Господин маркиз, вы позабыли, какой скандал устроил Четвёртый принц из-за вашей прошлой... близости? Он рвал и метал, а мы всю ночь на коленях простояли! Неужто забыли?! Да пусть я сам лишусь невинности на этом ложе, но вам осквернить себя с ним не позволю! Пока во мне теплится хоть капля жизни, вы к нему не пойдёте!

Ян Е мысленно выругался на чём свет стоит.

— Да тише ты! — зашипел он в ответ. — Какое ещё ложе, дурья твоя башка?! Тебе лишь бы глупости городить. Сдаётся мне, ты сам спишь и видишь, как бы под кого лечь! Послушай меня. Что было в том письме, которое Цзин Хуайюй передал принцу-консорту во Дворце Десяти Тысяч Летучих Мышей? Подумай сам: Да Янь и Сицзя годами враждовали на границе, проливали кровь, а тут Ян Тао вдруг шлёт им щедрые дары, заискивает, ищет союза. С чего бы это? Прежде он этих степняков иначе как грязными варварами да разбойниками не называл. Чует моё сердце, тут кроется заговор против нас, и заговор смертельно опасный. Нам во что бы то ни стало нужно разузнать, что написано в том послании.

Сяо Бай призадумался и кивнул:

— Может... выкрасть его?

— Воровство — дело глупое, — качнул головой Ян Е. — Так мы только спугнём змею и выдадим себя. Нужно прочесть его тайком, а само письмо оставить на месте.

Прильнув к щели в двери, он прищурился. Сицзяских стражников в коридоре не наблюдалось, зато гвардейцы Ичжэнь бдели на своих постах.

— Я отвлеку этих псов Ичжэнь, — повернулся Ян Е к помощнику. — А ты прокрадись обратно ко Дворцу Десяти Тысяч Летучих Мышей. Думаю, принц-консорт всё ещё отрабатывает своё наказание на коленях. Как только срок выйдет, он непременно займётся письмом. Выжди удобный момент. Если удастся заглянуть в бумагу — отлично, нет — отложим до завтра. И будь осторожен, не попадись степнякам в лапы.

Сяо Бай понял, что дело действительно не терпит отлагательств, и послушно кивнул.

— Отлично. Жди моего знака, — шепнул Ян Е.

Он резко распахнул дверь и с истошным воплем вывалился наружу, мгновенно пустив слезу:

— Несчастливая я доля! Я девица честная, приличная, лучше смерть приму, чем позор сей претерпеть! Омою бесчестье собственной кровью!

С диким причитанием он бросился через галерею напрямик к массивной опорной колонне.

Гвардейцы Ичжэнь так и подскочили от неожиданности. К их чести, отреагировали они мгновенно, бросившись наперерез безумной служанке. Ян Е долетел до колонны и, мастерски симитировав сокрушительный удар лбом, изящно перекатился по земле и юркнул в густые кусты под галереей. Не успели воины опомниться, как «девица» вскочила на ноги и припустила прочь во весь дух.

Поскольку беглянка числилась среди прислужниц дворца Сицзя, гвардейцы Ичжэнь не смели пустить в ход оружие, но и позволить сумасшедшей девке сеять хаос на чужой территории тоже не могли. Им ничего не оставалось, кроме как броситься в погоню. Ян Е, превосходно владевший искусством легконогого бега цигун, искусно петлял среди павильонов и клумб, заставляя преследователей метаться из стороны в сторону. Шум привлёк внимание сицзяских стражников. Не разобравшись, в чём дело, они принялись гортанно орать на своём наречии и хвататься за сабли. Во дворе мгновенно поднялся невообразимый переполох.

Ян Е довольно усмехнулся. Сделав широкий круг под прикрытием теней, он бесшумно скользнул обратно к покоям послов. В коридоре не осталось ни души. Поначалу он честно собирался последовать совету Сяо Бая и вернуться в комнату Цзин Хуайюя, но, застыв перед дверью Лин Шу, не устоял перед искушением. В груди сладко заныло. Стиснув зубы от предвкушения, он тихонько толкнул заветную створку — заперто изнутри. Несмотря на своё высокое происхождение, Ян Е с юных лет питал слабость к мелким шалостям и воровским уловкам, коих знал великое множество. Он ловким движением вытянул из причёски длинную костяную шпильку, просунул её в щель и осторожно отодвинул дверную задвижку. Едва слышно проникнув внутрь, он тут же запер за собой дверь.

Уняв бешено колотящееся сердце, он бесшумно обошёл резную ширму. Покои тонули во мраке, рассеиваемом лишь тусклым огоньком одинокой свечи. Лин Шу лежал на постели. Верхнее платье он уже сбросил, оставшись в тонком шёлковом нижнем одеянии нежно-сиреневого цвета. Завязки на вороте небрежно распустились, приоткрывая изящные изгибы ключиц. Юноша сжался в клубок, тяжело дыша; по бледному лбу катились крупные капли пота, а длинные прямые волосы разметались по подушке. Пальцы его мёртвой хваткой вцепились в деревянную резную спинку кровати. Услышав шорох шагов, он с трудом разомкнул веки и спросил хриплым, ломающимся голосом:

— Кто здесь?... Я же велел... никому не входить.

Мягкий ковёр поглощал звуки шагов. Ян Е подходил всё ближе, и при виде этого беззащитного, томимого жаром тела его собственная кровь закипела. Стараясь говорить тонким девичьим голосом, он кокетливо затянул:

— Почтенный господин, служанка предстала пред вами. Звать меня А-Хуа — той «Хуа», что из

речей про ветреных девиц. По приказанию господина Цзиня я явилась, дабы ублажить вас этой ночью.

Лин Шу, преодолевая слабость, рванулся вверх и сел, плотно прижавшись спиной к изголовью. Не разжимая судорожно стиснутых пальцев на резной перекладине, он процедил:

— Вон... Мне ничего не нужно. Уходи. Я справлюсь сам.

Даже умирая от желания, он оставался верен своей холодной гордости. Ян Е глядел на него с невольной нежностью и досадой:

«Ну и упрямец! Холодная душа, ни стыда в тебе, ни ласки. Тебя же хмель изнутри выжигает! Сам великий маркиз пришёл ублажить тебя на ложе, а ты всё кобенишься. Цену себе набиваешь?»

Ян Е сделал ещё шаг, вкрадчиво шепча:

— Зачем же так мучить себя, господин? Неужели обнимать бездушное дерево приятнее, чем сжимать в объятиях тёплую, благоухающую плоть?

Лин Шу вскинул голову, и его затуманенный взор на миг сверкнул прежней яростью:

— Назад! Я велел не приближаться!

Этот грозный взгляд заставил Ян Е послушно замереть на месте. Смягчив тон, он предложил:

— Позвольте тогда хотя бы принести вам холодной воды, чтобы унять этот палящий жар?

Лин Шу помедлил, борясь с искушением, и наконец едва заметно кивнул. Ян Е торопливо вернулся к столику и налил пиалу прохладного чая. На сей раз юноша не стал гнать его прочь — он позволил поднести край чаши к своим губам и сделал несколько жадных глотков. Ян Е заворожённо смотрел на лихорадочный румянец на его щеках. В памяти яркой вспышкой воскресли воспоминания об их былой безумной ночи, заставив сердце сладко сжаться. Потеряв голову от близости любимого тела, Ян Е потянулся вперёд и нежно коснулся ладонью его горячей щеки. Осознание пришло слишком поздно — пальцы уже ласкали нежную кожу, и отступать было поздно.

Да и не хотелось ему убирать руку.

Вдруг Лин Шу резким движением выбил чашу из его рук. Фарфор со звоном разлетелся осколками по полу, а в лицо Ян Е свистнул холодный клинок. Маркиз испуганно вскрикнул и плашмя рухнул на ковёр, чудом уклонившись от удара. Он сделал это столь ловко и

естественно, что затуманенный разум Лин Шу ничего не заподозрил. Не попав по цели, юноша совсем ослаб, и меч выскользнул из его пальцев. Кое-как переведя дух, Ян Е точным ударом ноги отфутболил меч Чжэньбин подальше в угол, а сам рыбкой прыгнул на постель и железной хваткой сжал запястья Лин Шу.

Лин Шу растерянно захлопал ресницами, уставившись на него своими глубокими тёмными глазами. В его взгляде мелькнуло смутное узнавание.

— Кто... кто ты такой? — прошептал он, силясь сфокусировать зрение. — Мы ведь... встречались прежде?

Нижняя губа юноши была искусана в кровь, тонкие брови страдальчески сошлись у переносицы, а мокрые от пота пряди волос липли к вискам и шее. Он выглядел столь измученным и беззащитным, что у Ян Е защемило в груди. Не выпуская его рук, он опустился на колени прямо на постели и нежно проговорил:

— Я же молвила вам, господин: звать меня А-Хуа, и я женщина. Зачем же вы так терзаете себя? Хмель требует выхода, а плотское утешение — закон природы, созданный для радости. К чему эта жестокая борьба с собственной плотью?

Мягко поглаживая ладонь Лин Шу, он бережно прижал её к своей щеке. Юноша вздрогнул от этого прикосновения. Он заворожённо смотрел на «служанку», и сквозь пелену дурмана в его сознании всё отчётливее проступал знакомый образ. Ян Е ласково улыбнулся ему и прошептал:

— Если господин брезгует моей скромной особой, я не стану осквернять его своим телом. Но позвольте мне подарить вам блаженство и избавить от этой невыносимой муки... Хотите попробовать?

— Блаженство?.. — безжизненным эхом повторил Лин Шу. — Что это значит...

Его взгляд окончательно потерял фокус, уплывая куда-то вдаль. Услышав его прерывистое, горячее дыхание, Ян Е потерял остатки самообладания. Желание захлестнуло его с головой. Дрожащими от нетерпения пальцами он скользнул под тонкую ткань лавандового шёлка, лаская горячую кожу.

<http://bllate.org/book/19546/1998805>